

A detailed fantasy landscape illustration. In the foreground, a monk with a shaved head, wearing a dark grey robe and a red cape, stands with his back to the viewer, looking out over a valley. The middle ground features a large, partially ruined gothic cathedral with red-tiled roofs and stone arches. In the background, a massive, dark gothic cathedral with numerous spires and flying buttresses rises vertically, dominating the sky. The scene is set in a valley with a blue lake or bay, surrounded by green hills and mountains with patches of snow under a cloudy sky. The overall style is highly detailed and atmospheric.

Константин Петров

Цена ПОКОЯ

Константин Петров

Цена покоя

«Автор»

2025

Петров К.

Цена покоя / К. Петров — «Автор», 2025

Что делать, если ты — всемогущий Темный Владыка, покоритель галактик и повелитель легионов тьмы... и тебе просто всё осточертело? Вечная война, предсказуемые герои, скучные пророчества и бесконечная бюрократия по управлению вселенским злом могут утомить кого угодно. Устав от собственного могущества, он инсценирует свою гибель и сбегает в самый дальний и забытый мир, который только смог найти. Теперь он — Элиас, молчаливый и угрюмый садовник в крошечном рыбацком городке Тихая Гавань. Все, чего он хочет — это покой, тишина и возможность выращивать диковинные цветы. Но когда на его новый дом обрушивается таинственная болезнь, угрожающая детям, древние инстинкты берут свое. Желая остаться в тени, он совершает маленькое, анонимное чудо, чтобы спасти городок. С каждым шагом, который Элиас предпринимает, чтобы скрыть свою истинную природу, паутина лжи становится все сложнее, а ставки — все выше. Он вынужден становиться тайным хранителем мира, от которого просто хотел спрятаться.

© Петров К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 3. Ритм повседневности	9
Глава 4. Серая Хворь	11
Глава 5. Ночной Садовник	13
Глава 6. Невероятный Союз	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Константин Петров

Цена покоя

Цена Покоя

Пролог. Пыль триумфа

Трон Пустоты был вырезан из сердца мертвой звезды. Он не был холодным; он впитывал тепло, свет, саму жизнь. Сидя на нем, Владыка Ксар'Дэш, Архитектор Вечной Ночи, Покоритель Тысячи Миров, ощущал лишь безграничную, всепоглощающую скуку.

Его тронный зал, выстроенный в измерении, где законы физики были лишь рекомендацией, простирался, казалось, в бесконечность. Колонны из застывшего крика держали свод, на котором вместо звезд мерцали плененные души величайших героев павших цивилизаций. Пол был зеркальной гладью обсидиана, отражавшей агонию космоса. Все это было спроектировано им самим тысячелетия назад, чтобы внушать трепет и ужас. И поначалу это работало. Теперь же он видел лишь безвкусную помпезность и отчаянную попытку заполнить внутреннюю пустоту внешней грандиозностью.

Перед ним, на коленях, стоял последний защитник системы Орион-Прим – паладин в сияющих доспехах, чья воля была сломлена, а световой меч лежал расколотым у его ног.

«Ты... ты не победишь, тиран!» – выдохнул паладин, и в его голосе смешались ненависть и отчаяние. «Свет найдет способ пробиться сквозь твою тьму! Пророчество...»

Ксар'Дэш лениво поднял руку, и слова замерли в горле героя.

«Пророчество, да», – пророкотал Владыка. Его голос был подобен движению тектонических плит. – «Позволь угадаю. Дитя, рожденное под двойным затмением, найдет древний артефакт, соберет команду верных друзей – обязательно разных рас для политкорректности – и бросит мне вызов, используя силу любви и дружбы. Я ничего не упустил?»

Паладин захрипел, не в силах ответить. В его глазах отразилось не только поражение, но и шок от такого цинизма.

«Я просмотрел триллионы временных линий, рыцарь», – продолжил Ксар'Дэш, вставая с трона. Его фигура, сотканная из чистой тьмы и концентрированной воли, казалось, поглощала остатки света в зале. – «Я видел это "пророчество" в миллионах вариаций. Иногда это мальчик, иногда девочка. Иногда артефакт – меч, иногда – амулет. Суть не меняется. Это скучно. Это предсказуемо. Вы, создания Света, – самые неоригинальные существа во всей Мультивселенной».

Он подошел к паладину и склонился, заглядывая в его душу. Он мог бы испепелить его мыслью, обратить в кричащую статую из чистого страха или отправить его сознание в лабиринт вечных кошмаров. Он делал это бесчисленное количество раз. Но сейчас... он просто устал.

«Знаешь, в чем твоя главная ошибка? Вы думаете, что я упиваюсь злом. Что я наслаждаюсь страданиями. Это было так в первые пару тысяч лет. Но теперь... это просто работа. Администрирование. Логистика. Бесконечные отчеты от демонических наместников, которые постоянно грызутся за власть. Планирование геноцидов. Подавление восстаний. Это как управлять чудовищной, неэффективной корпорацией, где все сотрудники – психопаты».

Ксар'Дэш отвернулся и посмотрел на мерцающие души на потолке. Когда-то каждая из них была для него трофеем. Теперь это была просто коллекция пыльных лампочек.

«Я победил. Давно. Окончательно. Свет – это лишь краткая аномалия, флуктуация в великом покое небытия. Я – есть порядок. Абсолютный, финальный порядок. И это невыносимо скучно».

Он щелкнул пальцами. Паладин не умер. Он просто исчез, перемещенный в комфортабельный карманный мир с вечным солнцем, полями и реками, где он будет жить до старости, уверенный, что победил в ментальной битве и изгнал Владыку из своего разума. Это было самое унижительное, что Ксар'Дэш мог придумать – лишить врага его героической смерти.

Вернувшись на трон, он вызвал своего главного визиря, сущность по имени Мальфазар – многоликое создание из дыма и обсидиана.

«Мальфазар. Отмени операцию по поглощению галактики М-31. Распусти флот у врат Антареса. И... объяви о начале "Эры Стабильности". Никаких больше завоеваний. Только поддержание текущего порядка».

Визирь замер, его многочисленные лица исказились от недоумения. «Но, мой Владыка... Звездный Улей К'Тарра почти готов к жатве! Это триллионы душ для...»

«Для моей коллекции лампочек? – прервал Ксар'Дэш. – Я перегорел, Мальфазар. Просто... перегорел. Оставь меня».

Когда визирь растворился в тенях, Владыка закрыл глаза. Он завоевал всё. Он познал всё. Он стал абсолютom. И на вершине мироздания его ждала лишь бесконечная, апатичная пустота. В тот момент, сидя на троне из мертвого сердца звезды, Темный Лорд Ксар'Дэш принял самое радикальное решение за всю свою вечную жизнь. Он решил уйти в отставку.

Глава 1. Проект "Наследие"

План побега для существа, которое контролирует реальность, был нетривиальной задачей. Ксар'Дэш не мог просто исчезнуть. Вакуум власти, который бы он оставил, привел бы к войне такого масштаба, что она разорвала бы ткань Мультивселенной. Его империя, державшаяся на его воле, пожрала бы саму себя, а хаос, который бы воцарился, был бы гораздо более разрушительным и бессмысленным, чем его тиранический порядок. Нет, уход должен был быть... элегантным.

Он провел следующие сто лет в своей секретной лаборатории – месте, скрытом даже от его самых доверенных слуг, в складке времени, где мгновение могло длиться вечность. Здесь он работал над своим последним творением. Он назвал его «Наследник».

Это был не просто голем или двойник. Это была идеальная симуляция его самого, но с одним ключевым отличием. В ядро матрицы личности «Наследника» Ксар'Дэш заложил тщательно откалиброванные недостатки: толику паранойи, крупицу самодовольства, склонность к излишне сложным планам и, самое главное, неспособность к истинному самоанализу.

«Наследник» будет править так же, как и он, но чуть менее эффективно. Его паранойя заставит его начать чистки среди лояльных генералов. Его самодовольство не позволит ему заметить зреющие заговоры. Его сложные планы будут рушиться под тяжестью собственной громоздкости. Империя не рухнет за один день. Она будет угасать медленно, на протяжении тысячелетий, распадаясь на части, давая Вселенной шанс найти новое равновесие без апокалиптического взрыва. Это был его прощальный дар мирозданию – управляемый снос тирании.

Параллельно он готовил себя. Сбросить божественную мощь было все равно что для человека – добровольно ампутировать себе все конечности и вырвать органы чувств. Он слой за слоем снимал с себя мантии силы. Отказался от контроля над легионами. Разорвал связь с астральными планами. Отрезал себя от потоков темной энергии. Каждый шаг приносил не боль, а странное, забытое чувство легкости. Словно он снимал с себя неподъемный груз, который носил так долго, что забыл о его существовании.

Последним шагом было создание новой личности. Он не мог просто стереть свою память – опыт был его единственным ценным активом. Вместо этого он упаковал ее, заархивировал в самом дальнем уголке своего сознания под семью печатями ментальных барьеров. Он оставил себе лишь базовые знания о мире и... навыки. Самые неожиданные навыки, которые он собирал за тысячи лет, наблюдая за смертными. Он знал принципы ферментации дрожжей,

основы сопромата, 700 диалектов вымершего языка торговцев пряностями и, что самое важное, искусство выращивания роз.

Он выбрал себе новое имя – Элиас. Простое, незапоминающееся имя. И внешность – среднего роста мужчина неопределенного возраста, с волосами цвета соли и перца и глазами, которые видели слишком много, но теперь были подернуты дымкой усталости.

В день «премьеры» он представил «Наследника» двору. Двойник был великолепен. Он излучал ту же ауру всепоглощающей мощи и угрозы. Никто ничего не заподозрил. Под предлогом вековой медитации для познания новых глубин Пустоты, Ксар'Дэш удалился в свои покои. Активировав последний портал, настроенный не на координаты в пространстве, а на «концепцию» – «тихое, забытое место у большой воды» – он шагнул внутрь.

Портал схлопнулся без единого звука, стирая его присутствие из этого мира. В тронном зале «Наследник» уже отдавал свой первый приказ, и в его голосе звучали нотки высокомерия, которые настоящий Ксар'Дэш никогда бы себе не позволил. План пришел в действие.

Глава 2. Тихая Гавань

Выброс из портала был мягким, как выдох. Никаких вспышек света, никаких раскатов грома. Одна реальность плавно перетекла в другую. Элиас стоял на поросшем травой утесе, и в лицо ему дул соленый, влажный ветер. Он глубоко вдохнул. В воздухе пахло морем, йодом, мокрой древесиной и чем-то еще... печным дымом.

Внизу, в уютной бухте, раскинулся городок, который мог быть только Тихой Гаванью. Несколько десятков каменных домиков с черепичными крышами сгрудились вокруг небольшой площади и рыбацкого пирса. Вдали виднелся маяк, лениво моргавший в утренней дымке. Мир был... маленьким. И невероятно зеленым и синим. После фиолетовых туманностей и черных дыр его родного измерения, эти простые, чистые цвета были почти ошеломляющими.

Спуск в город занял полчаса. Люди, встречавшиеся ему по пути, – рыбаки с обветренными лицами, женщины, несшие корзины с бельем, – бросали на него короткие, любопытные, но не враждебные взгляды. Он был чужаком, но не угрозой. Его новая, тщательно выстроенная аура «безобидности» работала идеально.

Он нашел то, что искал, на самом краю городка – заброшенный домик с заросшим садом, который цеплялся за склон холма. Табличка «Продается» выцвела и покосилась. Подойдя к двери, он обнаружил, что она не заперта. Внутри пахло пылью, запустением и мышами. Две комнаты, кухня с огромной старой печью и чердак. Сквозь грязные окна виднелся клочок моря. Это было идеально.

Через час он уже сидел в единственной городской таверне «Сонный Кракен». За стойкой стоял дородный, усатый хозяин по имени Борис. Элиас, используя несколько золотых монет, материализованных из остаточной энергии (последний раз, поклялся он себе), спросил про дом.

«А, старая хибара вдовствующей Элспет? – пробасил Борис, протирая кружку. – Сто лет пустует, с тех пор как старуха отдала морю душу. Говорят, там призраки водятся».

«Меня это не пугает», – спокойно ответил Элиас. Его голос был тихим, немного хриплым от долгого молчания. – «Я ищу покоя. Хочу сад разбить».

Борис смерил его взглядом. «Сад, говоришь? Ну, дело твое. Ключи у старосты Гюнтера, в ратуше, вон то здание с кривой башенкой. Человек он дотошный, но справедливый. Скажешь, от Бориса».

Сделка прошла на удивление гладко. Староста Гюнтер, сухонький старичок с пытливыми глазками, задал несколько вопросов о том, откуда Элиас родом («с севера, из дальних провинций») и чем занимался («всего понемногу, в основном работал с землей»). Элиас отвечал кратко и туманно. Легенда была простой и потому надежной. В итоге, получив мешочек с монетами, Гюнтер пожал плечами и отдал ему ржавый ключ.

Первую ночь в своем новом доме Элиас провел, сидя на полу и глядя в окно на звезды. Они были другими. Созвездия были незнакомыми. Он был по-настоящему далеко. Впервые за вечность он чувствовал себя не властелином всего, а крошечной, незначительной частью чего-то огромного и непостижимого. И это чувство было не унижительным, а... умиротворяющим.

Утром он начал работать. Он вынес из дома весь хлам, вымыл полы, починил разохнувшуюся оконную раму. Это была тяжелая физическая работа. Его мышцы, не знавшие напряжения тысячелетиями, ныли. Он поранил руку о ржавый гвоздь и с удивлением смотрел на каплю красной крови. Настоящей, его собственной крови. Он не стал залечивать рану магией. Он просто промыл ее водой и нашел какую-то тряпку, чтобы перевязать. Боль была... реальной.

Но главным его проектом стал сад. Он был запущен до неузнаваемости. Сорняки, колючий кустарник, дикий плющ. Элиас часами, день за днем, выкорчевывал их, расчищая землю. Он не использовал магию, хотя мог бы очистить участок одним движением мысли. Он хотел чувствовать землю в своих руках. Он хотел устать.

Однажды, когда он, потный и грязный, вытаскивал особенно упрямый корень старого терновника, он услышал за спиной женский голос.

«Похоже, у вас тут работы на всю жизнь».

Он обернулся. У полуразрушенной калитки стояла молодая женщина с корзиной, полной каких-то трав. У нее были рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, и веснушки на носу. Она смотрела на него с дружелюбным любопытством.

Элиас молча кивнул, не зная, что ответить. За последние сто тысяч лет все разговоры, которые он вел, были либо приказами, либо допросами, либо теологическими диспутами с сущностями из других измерений. Светская беседа была для него *terra incognita*.

«Я Лина», – представилась женщина. – «Местная травница. Моя лавка тут рядом. Я видела, что в старом доме кто-то поселился. Решила заглянуть. Выглядите так, будто вам не помешает помощь».

Она поставила корзину и, не дожидаясь приглашения, подошла к нему.

«Ого, да это же королевский терн. Его корни уходят в самое сердце земли. Тут лопатой не поможешь. Нужна хитрость».

Прежде чем Элиас успел что-то сказать, она достала из кармана маленький садовый ножик и начала делать точные, быстрые надрезы у основания корня, что-то бормоча себе под нос.

«Нужно найти главный стержень и перерезать его. Тогда боковые сами ослабнут. Моя бабушка так учила... Вот! Готово. Теперь попробуйте».

Элиас снова взялся за корень. На этот раз, к его изумлению, он поддался с глухим треском и вышел из земли. Он стоял, держа в руках уродливый, извивающийся кусок дерева, и смотрел на улыбающуюся женщину.

«Спасибо», – сказал он, и слово прозвучало чуждо на его языке.

«Не за что, сосед», – легко ответила Лина. – «Добро пожаловать в Тихую Гавань».

Она подхватила свою корзину и ушла, оставив Элиаса одного посреди его будущего сада. Он смотрел ей вслед, потом на корень в своих руках, на пораненную ладонь. Впервые за неисчислимое количество времени он почувствовал что-то новое. Что-то, что не было ни скукой, ни гневом, ни жаждой власти. Это было странное, теплое чувство. Возможно, подумал он, это и есть то, что смертные называют «жизнью».

Работа предстояла долгая. И, к его собственному удивлению, он был этому рад.

Глава 3. Ритм повседневности

Дни начали складываться в недели, а недели – в первый месяц его новой жизни. Элиас обнаружил, что у времени в этом мире был совершенно иной вес. Раньше оно было для него лишь ресурсом, абстрактной величиной, которую можно было растягивать, сжимать или вовсе игнорировать. Здесь же время было отмечено не вехами галактических завоеваний, а восходом и закатом солнца, приливами и отливами, скоростью, с которой пробивался из земли первый росток.

Его сад медленно преображался. Колочие заросли уступили место аккуратным грядкам. Он не сажал ничего утилитарного, вроде капусты или картофеля. Его тянуло к цветам. Он высаживал луковицы лилий, семена дельфиниума и маков, создавая композиции, которые подчинялись не законам садоводства, а скорее законам космической гармонии. Он располагал их по спирали, как рукава галактик, группировал по цвету, как туманности, оставляя между ними дорожки из темной, рыхлой земли, похожие на пустоту между звездами.

Лина заглядывала к нему еще несколько раз. Она была похожа на любопытную лесную птичку, которая то приближается, то отлетает, изучая новое, непонятное существо. Она принесла ему саженцы того, что она называла «лунными розами».

«Они раскрываются только ночью, при полной луне, – объяснила она, протягивая ему горшочек. – Их лепестки светятся в темноте. Я подумала, они подойдут вашему саду. И вам».

Элиас принял дар. В его голове мгновенно возникла полная биохимическая картина процесса: люциферин в клетках лепестков, катализируемый ферментом люциферазой, окислялся при контакте с ночным воздухом, вызывая холодное свечение. Он знал, на какой планете эта мутация зародилась, и как споры этих растений попали сюда на метеорите тридцать тысяч лет назад. Но он лишь кивнул и сказал:

«Спасибо. Это... красиво».

Он учился говорить на их языке – языке простых эмоций и наблюдений. Он учился молчать не потому, что его молчание было оружием, а потому, что иногда слова были не нужны. Они часто работали в саду вместе, в комфортной тишине, нарушаемой лишь звуками садовой мотыги и шелестом листьев. Лина рассказывала ему о травах, об их целебных и ядовитых свойствах, о городских сплетнях. Элиас слушал, впитывая информацию, которая была для него совершенно бесполезной с точки зрения управления империей, но почему-то невероятно важной здесь и сейчас.

Его дом тоже менялся. Он починил протекающую крышу, заменил разбитые стекла, отчистил от копоти старую печь. Однажды он решил попробовать испечь хлеб. Он видел, как это делает городской пекарь, и процесс казался ему примитивным. Мука, вода, дрожжи, соль. Что может быть проще для того, кто когда-то жонглировал фундаментальными константами вселенной?

Результат был катастрофическим. Тесто, которое он замесил, оказалось упрямой, липкой субстанцией. Он недооценил процесс ферментации, и тесто вылезло из миски, заполнив собой половину кухни. Попытка испечь его в древней печи привела к тому, что внутри образовалась субстанция плотностью свинца, а снаружи все обуглилось до состояния вулканического камня. В какой-то момент, когда из печи повалил густой черный дым, ему пришлось инстинктивно использовать крохотную толику своей силы, чтобы сжать пространство внутри очага и не спалить дом дотла.

Стоя посреди кухни, перепачканный мукой, держа в руках почерневший, тяжелый как кирпич «хлеб», он впервые за много веков рассмеялся. Это был тихий, хриплый смех, но он был настоящим. Он потерпел полное, сокрушительное поражение в битве с булкой хлеба. И это было восхитительно.

С тех пор он каждое утро ходил в лавку пекаря и покупал свежую, теплую буханку. И каждый раз, отламывая хрустящую корку, он вспоминал свое фиаско и улыбался.

Вечерами он сидел на маленьком крыльце, которое сам же и починил, смотрел на незнакомые звезды и чувствовал, как внутри него что-то меняется. Пустота, которая так долго была его сутью, медленно заполнялась. Не огнем и яростью, а чем-то тихим. Запахом земли после дождя. Вкусом свежего хлеба. Теплом солнца на коже. Усталостью в мышцах после честного труда.

Он начал забывать, каково это – сидеть на Троне Пустоты. И совсем не скучал по этому ощущению.

Глава 4. Серая Хворь

Приближалась осень. Дни становились короче, а с моря все чаще наплзали холодные, густые туманы. Вместе с туманами в Тихую Гавань пришла беда.

Элиас впервые услышал о ней в таверне «Сонный Кракен». Он стал заходить туда раз в несколько дней, чтобы купить бутылку местного, довольно паршивого эля и послушать. Таверна была нервным центром городка, местом, где слухи рождались, жили и умирали.

В тот вечер атмосфера была напряженной. Рыбаки, обычно шумные и горластые, говорили вполголоса. Их жены сидели с тревогой на лицах. Речь шла о «серой хвори».

«Сначала дочка старого Финна, – говорил один бородатый рыбак, – потом сын кузнеца. Начинается с кашля, потом слабость, а через пару дней дитя просто... засыпает. Спит и не просыпается. Дышит ровно, жара нет, но разбудить невозможно».

«Лекарь наш разводит руками, – подхватила женщина с другого конца стола. – Говорит, никогда такого не видел. Лина дает им отвары для сил, но это как воду в решете носить».

Элиас сидел в своем темном углу, и его мозг, дремавший под маской простого садовника, мгновенно проснулся. Он не слушал слова – он анализировал данные.

Патоген:

неизвестен.

Симптомы:

респираторное начало, переход в апатическую кому.

Целевая группа:

дети. Иммунная система взрослых не затронута, значит, либо патоген специфичен к детской физиологии, либо взрослые являются бессимптомными носителями.

Вектор распространения:

воздушно-капельный, судя по скорости.

Его разум, привыкший оперировать судьбами цивилизаций, обработал эту локальную эпидемию с холодной, отстраненной эффективностью. За доли секунды он построил несколько десятков вероятных моделей. Это мог быть вирус, грибковая спора, занесенная с морскими течениями, или... или магическое проклятие низшего порядка.

В нем проснулся Архитектор. Древний инстинкт взять ситуацию под контроль, проанализировать, найти слабое место и нанести точный, сокрушительный удар. Он мог бы подойти к этим людям, задать десяток уточняющих вопросов, взять образец слюны или крови у больного ребенка, и через час у него был бы готов не просто диагноз, а универсальное лекарство. Он мог бы щелчком пальцев очистить весь город от болезни.

Но он был Элиасом. Садовником. Чужаком с севера.

Он заставил себя сделать еще один глоток эля. Вмешиваться – значит рисковать. Раскрыть себя. Нарушить свой главный обет – обет невмешательства. Это не его война. Он устал от войн.

Но когда он выходил из таверны, он увидел Лину, которая почти бежала по улице в сторону дома лекаря. Ветер трепал ее рыжие волосы, а в свете фонаря на ее лице была написана такая искренняя боль и страх, что у Элиаса что-то екнуло в груди. Их взгляды встретились на мгновение. В ее глазах он не увидел мольбы, лишь отчаяние. Она ничего от него не ждала, он был для нее лишь странным, молчаливым соседом.

И именно это почему-то ударило по нему сильнее, чем все пророчества и мольбы о пощаде, которые он слышал за свою долгую жизнь. Ее беда была настоящей, не частью какой-то эпической саги, а тихой трагедией маленького, забытого мира.

Он пошел не к себе домой. Он свернул в темный переулок, подальше от любопытных глаз. Прислонившись к холодной каменной стене, он закрыл глаза.

«Анализ», – беззвучно приказал он самому себе.

Его сознание, подобно невидимому лучу, метнулось прочь от тела. Он просканировал воздух в городке, анализируя его состав, ища чужеродные споры или микроорганизмы. Ничего. Он проследовал за аурой Лины до дома лекаря и осторожно, чтобы не быть замеченным никем, даже на метафизическом уровне, заглянул внутрь.

Он увидел ребенка, лежащего в кровати. Маленькую девочку, бледную, с едва заметно вздымающейся грудью. И он увидел хворь.

Это была не болезнь в ее классическом понимании. Вокруг девочки вилось тонкое, почти невидимое серое марево. Оно не было живым, но и не было мертвым. Оно питалось не телом, а... жизненной силой. Волей. Радостью. Оно высасывало из ребенка сны, смех и желание жить, оставляя лишь пустую оболочку.

Это была магия. Слабая, древняя, паразитическая магия. И ее источник находился где-то рядом. Где-то в море.

Элиас открыл глаза. Ночь вокруг казалась темнее. Он столкнулся с первой серьезной дилеммой своей новой жизни. Он мог уйти, и через месяц в этом городе не осталось бы ни одного живого ребенка. Или он мог вмешаться, нарушив свое уединение и рискуя привлечь к себе внимание сил, от которых он так долго и тщательно скрывался.

Он посмотрел в сторону моря, откуда тянуло холодом и запахом гниющих водорослей. Его отпуск, похоже, закончился.

Глава 5. Ночной Садовник

Решение было принято. Но Архитектор Вечной Ночи не стал бы собой, если бы действовал опрометчиво. Прямое столкновение было исключено. Сначала – разведка.

Дождавшись, когда Тихая Гавань окончательно погрузится в сон, и лишь одинокий фонарь на пирсе будет бросать дрожащую дорожку на темную воду, Элиас вышел из дома. Он был одет во все темное, и двигался с бесшумной грацией, которая не имела ничего общего с походкой садовника. Это были инстинкты, впечатанные в его суть за зоны охоты в тенях между мирами.

Он не пошел по дороге. Он спустился к морю прямо по утесу, цепляясь за камни и корни с уверенностью, граничащей с невозможным. Воздух внизу был другим. Густой туман, который днем казался просто погодным явлением, ночью ощущался живым. Он был холодным, липким и пах не только солью, но и апатией. Это был запах мира, которому все равно.

Элиас остановился на кромке воды. Волны лениво лизали его ботинки. Он закрыл глаза и «посмотрел» по-настоящему.

Его обычные пять чувств отключились, уступив место восприятию иного порядка. Мир предстал перед ним в виде потоков энергии, вибраций, намерений. Он видел теплые, мерцающие огоньки жизненной силы в домах – взрослые. И он видел тускнеющие, почти погасшие угольки в тех домах, где спали больные дети.

От каждого из этих угольков тянулась тонкая, едва заметная серая нить. Все они вели в одном направлении – в море. Они сплетались в жгут, уходящий под воду, и чем дальше от берега, тем толще и «громче» становился этот энергетический след.

Элиас шагнул в ледяную воду. Холод не трогал его. Он шел все глубже, пока вода не дошла ему до пояса. Здесь серое марево было таким плотным, что казалось, будто он бредет сквозь вязкий ил. Оно цеплялось за него, пытаясь высосать тепло, волю, саму искру сознания. На обычного человека это подействовало бы за несколько минут, погрузив его в то же безвольное оцепенение, что и детей.

Элиас же был для этой силы тем, чем солнце является для капли росы. Он просто проигнорировал ее, как слон не замечает муравья.

Его внутренний взор пронзил толщу воды и ила на дне. И он нашел источник.

Это не был злобный монстр или разумная сущность. Это было нечто гораздо более древнее и печальное. На дне, наполовину занесенная песком, лежала небольшая статуэтка, вырезанная из пористого, маслянисто-черного камня, который не принадлежал этому миру. Она изображала скорбящую богиню, закрывшую лицо руками. Артефакт давно угасшей цивилизации, которая поклонялась энтропии. Эта статуэтка была фокусом их коллективной скорби, их отчаяния перед лицом гибели. Тысячелетиями она просто лежала здесь, инертная. Но недавний подводный оползень, или сильный шторм, сдвинул ее, нарушил ее покой. И она начала «плакать» – сочиться магией чистого, беспримесного уныния.

Эта магия не была агрессивной. Она просто была. Как радиация. А дети, с их яркой, несформировавшейся аурой, с их бурлящей жизненной силой, были для нее как губка для воды. Она просто поглощала их свет, не со зла, а по самой своей природе.

Элиас мгновенно оценил ситуацию. Он мог бы уничтожить статуэтку одним лишь усилием воли. Но выброс энергии, даже на микросекунду, превратил бы эту тихую бухту в светящийся на всех планах бытия кратер. Это был бы маяк. Для его бывших лейтенантов. Для его врагов. Для сущностей, о которых даже он предпочитал не вспоминать. Это было все равно что зажечь спичку в пороховом погребе Мультивселенной.

Нет. Метод должен быть другим. Хирургическим. Тихим.

Он развернулся и так же бесшумно вышел из воды. План уже начал формироваться в его голове. Ему не нужно было уничтожать источник. Ему нужно было сделать детей невосприимчивыми к его излучению. Создать для них щит. И для этого ему понадобится помощь. Ему понадобится травница.

Глава 6. Невероятный Союз

На следующее утро Элиас направился напрямиком к лавке Лины. Он впервые зашел внутрь. Воздух здесь был густым и пряным, пахло сотнями сушеных трав, медом, воском и чем-то еще, неуловимо свежим и зеленым. С потолочных балок свисали пучки лаванды, ромашки и зверобоя. На полках стояли бесчисленные банки, склянки и глиняные горшочки с аккуратными надписями.

Сама Лина стояла за прилавком, растирая что-то в ступке. Она выглядела измученной. Под ее глазами залегли темные тени, а движения были медленными и тяжелыми. Когда она подняла на него взгляд, в нем не было обычного дружелюбного любопытства, только безмерная усталость.

«Элиас», – кивнула она. – «Если вы за семенами, то боюсь, сегодня...»

«Я не за семенами», – мягко прервал он. Он подошел ближе к прилавку. – «Я по поводу хвори».

Лина горько усмехнулась. «Тогда вы пришли не по адресу. Я перепробовала все. Все мои знания, все книги моей бабушки... Ничего не помогает. Сегодня ночью уснула еще одна девочка. Дочка плотника».

Элиас помолчал, подбирая слова. Он не мог сказать правду. Он должен был говорить на ее языке.

«Я гулял у моря прошлой ночью», – начал он медленно, глядя ей прямо в глаза. – «Воздух там... неправильный. В нем есть холод, который не от ветра. Гниль, которая не от водорослей. Эта хворь, мне кажется, не в крови, а в самом воздухе».

Лина перестала толочь травы и посмотрела на него с удивлением. Она, как никто другой, работающая с природой, чувствовала, что он говорит о чем-то ей понятном.

«Там, откуда я родом, – продолжал Элиас, импровизируя на ходу и вплетая крупницы истины в ложь, – была похожая беда. Мы звали ее "Тихий Вор". Он тоже крал у детей смех и сны. Старики говорили, что это приходит с моря, с тоскливыми туманами».

«И... что вы делали?» – в голосе Лины появилась слабая нотка надежды.

«Был один старый способ. Он не лечил хворь, но и не пускал ее в дом. Он создавал... защиту, – Элиас тщательно подбирал слова. – Это больше похоже на ритуал, чем на лекарство».

Он описал ей придуманный на ходу рецепт. Он должен был звучать как древнее суеверие, как народная магия, чтобы быть правдоподобным.

«Нужно взять три вещи. Соль, что высушена на солнце – она хранит в себе чистоту и огонь. Лепесток самого яркого цветка, что у тебя есть – он несет в себе силу жизни. И... раковину. Обычную раковину, но ту, что долго лежала в прибое, которую волны гладили тысячи раз. Она знает язык моря».

Лина смотрела на него, и на ее лице боролись скепсис и отчаяние. «Соль, цветок и раковина? Элиас, это звучит как... сказка старой няни. Я лекарь, а не знахарка».

«А твои лекарства помогают?» – тихо, но настойчиво спросил он.

Вопрос попал в цель. Лина опустила глаза.

«Нет».

«Тогда что ты теряешь? – сказал Элиас. – Приготовь из этого порошок. Смешай его с медом или теплым молоком. Не нужно давать его больным детям – им он уже не поможет. Дай его здоровым. По одной ложке на ночь. И... сделай маленькие мешочки с этим порошком. Пусть матери повесят их над колыбелями тех, кто уже спит. Как обереги».

Он намеренно разделил план. Пероральное применение для профилактики, и оберег для уже заболевших. Оберег был ключевым. Именно в раковины для этих оберегов он должен был вложить свою силу. Он коснется их, и каждая из них станет крошечным магическим резона-

тором, который будет не отгаликовать, а скорее «маскировать» ауру ребенка, делая ее невкусной, невидимой для серой хвори. А порошок для здоровых детей создаст видимость того, что лекарство работает.

Лина долго молчала, глядя на свои руки, перепачканные травами. Она была на грани. Все, во что она верила – логика, знания, опыт – оказалось бессильно. А этот странный, молчаливый человек предлагал ей взамен суеверие. Но в его глазах была такая непоколебимая, ледяная уверенность, что она приняла решение.

«Хорошо», – выдохнула она. – «Хорошо, Элиас. Хуже уже не будет. Я попробую все».

«Мне нужно будет помочь тебе подготовить раковины», – как можно более небрежно добавил он. – «Их нужно правильно "очистить"».

Лина кивнула, уже полностью отдавшись этому последнему, безумному шансу.

Союз был заключен. Травница и бывший Темный Лорд. Она принесет в этот план свое лицо, свою репутацию и свои умелые руки. А он – силу, способную поспорить с богами, тщательно замаскированную под сказку старой няни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.